

Александр Петрушкин

ТЕТРАДИ 2018 ГОДА

Александр Петрушкин
Тетради 2018 года

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Тетради 2018 года / А. Петрушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965613-1

В книгу включены все стихотворения Александра Петрушкина, записанные в 2018 году. Книга является очередной частью поэтического проекта «Тетради». Предыдущие книги проекта включают в себя все стихотворения автора, записанные с 2000 по 2017 год. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-965613-1

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

«И после быстрого начала...»	7
«Связь несравнимых величин ...»	8
«Передержанный запах отчизны, возни...»	9
«Стирая глаз о времени наждак...»	10
«а скрыться не получится – хотя...»	11
«Замаскирован и неряшлив ...»	12
«Что снег юродив, а в другой руке...»	13
«Стой, смотри – всё успеешь потом записать...»	14
«Вот выпал Бог – точнее, снег ...»	15
«За обиженным ребёнком...»	16
«Обёрнут Бог в пустоту – от того везде...»	17
«Минует рождество, ещё одно минует ...»	18
«Решето обрастает огнём и водой, так нёбо...»	19
«Так выключаешь свет ...»	20
«На быстром подоконнике стояло...»	21
«Темнота – это свет, расширяющий сам себя...»	22
«Оставляю лёгкость, в мир свой уходя ...»	23
«то интересно, что...»	24
«Невозможность меня самого...»	25
«Когда земля меня подменит...»	26
«в паузах меж смертью – смертью...»	27
«Видел ночью пожар...»	28
«высота, которой ты выдавлен был...»	29
«Как полнота улова – пёсий лай...»	30
«До сортировки суживаясь, выдох...»	31
Лабиринт	32
«у ворон собачья голова...»	33
«вот извлечёшь меня из голоса ...»	34
«То лицо, которое снег набирает из пазлов...»	35
«мир заканчивался там, где я...»	36
«это звук вокруг летит...»	37
«Всё, что слышал – это шорох...»	38
«Останется строчка от зайца...»	39
«Посередине снегопада...»	40
«неуход [неизбежен] всегда [возвращенье]...»	41
«дождь и снег и снег и дождь...»	42
«В зверя средине...»	43
«Воды расцарапана кость ...»	44
«снегири это имена для деревьев...»	45
«Самый свой последний стих...»	46
«Улитка дерева ползёт...»	47
«Гудит пространство, слова шмель...»	48
«Так умолкает воздух – тронешь...»	49
Диалог	50
Наблюдатель	51
«Небо – это звука поляроид...»	52

«Сколько во тьмы взрыв...»	53
«паузу между крыльев [словно январь] несёт...»	54
«Жужжание пчелы. С той стороны она...»	55
«И лижет пёс лицо, и красным языком...»	56
«Вот и выдохнул её ...»	57
«В коридоре тонком – словно помощь...»	58
«Дождь ли [?] скрипит в кувшине...»	59
«Вырезаны из полёта – пилоты...»	60
«Никто проходит по мостам...»	61
«В пустых районах, где спят алкаши...»	62
«Пришитый к бегу, он горит...»	63
«соломенный кувшин дождя...»	64
«Речь холодит. Сгорает жирный воздух...»	65
«так и не знаю ничего...»	66
«Остановившись, смотрит этот сад...»	67
«Слагая к звуку звук...»	68
«Пока потерянные вещи...»	69
«Крысы блик бежит, по тротуару...»	70
«Тепло от выдоха до вдоха ...»	71
«Воздух вертит головой петушиной, как будто попал на огонь...»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Тетради 2018 года

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2019

ISBN 978-5-4496-5613-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И после быстрого начала...»

И после быстрого начала
замедлится небес проём,
неся в себе невнятный сгусток,
овал, который невесом.

Как нежен белый клубень неба,
где золотая нить ворон
лежит на вертикальном снеге,
в игле которого живём.

Сгибая в лошадь нить накала,
как близорук и точен ток,
галдящий между двух предсердий,
разматывая в речь моток.

И более не страшно, если
замедленный лучом сеанс
сгущается в кинопроектор,
хранящий снег, что прячет нас.

(2/01/2018)

«Связь несравнимых величин ...»

Связь несравнимых величин —
так резкость наводил охотник,
а выдох, взятый в клюв, горчил
землёй и парой тонких зёрен.

Звезда смотрела на меня,
и плакала, как диафрагма
у горизонта, что в ружье,
как фотография, был спрятан.

И если плотны страх и взгляд,
то мост, что выстроен меж ними,
зияет, как эдемский сад,
сквозняк над адом и огнём.

(3/01/2018)

«Передержанный запах отчизны, возни...»

Передержанный запах отчизны, возни,
что внутри, меж домами, идёт —
ты, как бабочку, крылья и голос неси,
если мгла их конверт надорвёт.

Зазвенит из нутра темноты гироскоп,
замигает совиное дно,
и нора кувырknётся в себе, изнутри
завершив часовой поворот.

Всё, что видно – вращение в стае юлы,
размыкающей, сшитый мешок —
и одна лишь сова, как отрывок, лежит
а внутри её – неба тепло.

(4/01/2018)

«Стирая глаз о времени наждак...»

Стирая глаз о времени наждак,
всмотреться в яму, чтоб расслышать – так
всё, чем ты был здесь, это нервный тик,
который умолкает. Вот затих —

и расступаются, как звери, небеса,
которые ты скудно написал,
свидетель неумелый, рудокоп,
шептун, контрабандист, слепой пилот.

Всё снег и снег, который перейти
не хватит жизни – только расплести
два лёгких на дыхание и свет,
который в яме, в той, которой нет,

которая летит перед тобой,
как белый шум или случайный сбой
и собирает речь и крошки, что скрипят,
как сны внутри у голода щенят.

(5/01/2018)

«а скрыться не получится – хотя...»

а скрыться не получится – хотя
хотелось бы, и это славабогу —
прошение взглянуть, но не сейчас,
а позже, впрочем позабыть тревогу

здесь тоже невозможно: ты и я —
отсутствие возможности для речи.
так в мертвеца играет колея,
промёрзшая до косточек. размечен

тянущимся молчаньем разговор:
ты оставляешь место для метели
и я горю во всех своих стыдах,
как столб фонарный,
что желает в свет поверить.

(6/01/2018)

«Замаскирован и неряшлив ...»

Замаскирован и неряшлив —
впечатан выдох в снегопад,
как вынутый из медной пряжи
овечьей, агнец, что назад

был возвращён, своим вращеньем
сгущаясь в угол над тобой,
из света, то есть из паденья,
из ткани, рвущейся, как сбой

в программе, заданной — над миром
летящей — галкой-головнёй,
где лишь голавль плывёт в глубинах
обёрнутых чужой землёй.

(7/01/2018)

«Что снег юродив, а в другой руке...»

Что снег юродив, а в другой руке
[невидимой] – две рыбы, как в реке,
ведут неспешный диалог, пока
их речью обрастает мгла, т.к.

путь санный для того проявлен был,
чтобы скрипел скрывающийся им,
чтобы неспешно, тщательно, дотла
сжигала речь всё то, что привела

в пустоты эти на другой руке,
которая в метели, вдалеке,
и рыбы между темнотой снуют,
и воды меж собой слюнявят, шьют
тулупы, проезжающим сквозь их
даггеротипов и поленниц скрип.

(8/01/2018)

«Стой, смотри – всё успеешь потом записать...»

Стой, смотри – всё успеешь потом записать,
а поспеешь – запишут тебя на любой стороне

у – завитого вдоль отсутствий твоих здесь – плюща,
из которого видно лицо, как ожоги на белом огне.

Так проступит зима, сквозь родимые пятна золы
распинаемый дрозд улетит – понимаешь? – на юг

и сомкнётся, как будто расступится в нём, над тобою земля
что похожа на света кусок, размыкающий круг.

Будешь долго стоять над собой, как прозрачный гудок
и отрезок, лишённый всех точек опоры от а и до б —

или – время, которое снилось тебе, это дробь,
отблеск чисел и тень рыбака у воды на холодной губе?

Вот уходит рыбак, обретая весь берег, а ты
остаёшься стоять, как его отражение в реке —

или звёзды просты – от того, что они высоки,
или выжгли тебя, чтобы ты отражался, как небо, везде.

(9/01/2018)

«Вот выпал Бог – точнее, снег ...»

Вот выпал Бог – точнее, снег —
свет, что здесь напрямую вещество
из мельницы ручной его:
всё остальное – ремесло.

И перед тем, как сделать шаг,
стою, страшась в него вступить,
и мак цветёт из снегиря,
у света посреди груди.

А значит – завтра здесь среда
и в птичьей стае полыньи,
растёт огромная вода
и крутятся следы ничьи.

(9/01/2018)

«За обиженным ребёнком...»

За обиженным ребёнком
в небесах трамвай звенит —
кто нас может в его речи
как печали отследить? —

над — трамваем реет ангел
с красным языком в груди,
там щенок сидит незрячий
справедливости. Иди —

то сомкнув — как вежды — очи,
то — как скудность — всяку речь
смяв, и ангелу отбросив
всё, что надо бы беречь.

Только буква, как обида,
в горле ангела торчит —
хорошо, что стыдно видно —
хоть трагичен в целом вид.

Хорошо, что слышишь рельсы
облаков и, что петля
лишь казалась очень мёртвой
но проснулась, обожгла,

вынула на свет ребёнка
из такого же меня —
хрустнет глина, как обида,
от того, что нам мала.

и следишь, нутром и глазом,
как трамвай за поворот
удаляется и ангел
рельсы на плече несёт.

(9/01/2018)

«Обёрнут Бог в пустоту – от того везде...»

Обёрнут Бог в пустоту – от того везде
видим только следы от его пребывания с нами и
лодка его отсутствия плетёт из хруста в воде
фарватер для ледокола, который льды.

Там изнутри пустоты – дым табака, табун
что выдохом шелестит, нарастив им плоть,
мясо и кожу, нечто навроде судьбы,
которой Бог на дела сего мира плюёт.

Вот он стоит – пустота в столбах пустоты —
подглядывает в щели, чтобы исполнить их
предназначение, и на руки их берёт —
видит полёт, что оборот всех птиц.

Птицы и щели летят из нутра дыры —
чтобы найти, внутри ветки своей, провал —
овал и ладонь, которую распрямит
в струи воды линза и тьма ведра.

(14—15/01/2018)

«Минует рождество, ещё одно минует ...»

Минует рождество, ещё одно минует —
так лошадь вокруг дома, как тень его, идёт,
подошвами хрустит – поскольку света много,
а кликнешь и она, как нитка, тьму сошьёт.

Как хорошо, в тулупе из времени и плоти,
лопатою снег кидать из влажной тишины,
молчать в себя слова и ледяную корку
с себя сдирать, как птиц, которые слышны.

Минует рождество. Ну что же – ждём второго
в круги свои, как звук, себя – на смерть – сомкнув,
где на тебя из тьмы всё указывает конус
звезды и часовых, и смертных белый хруст.

(15/01/2018)

«Решето обрастает огнём и водой, так небо...»

Решето обрастает огнём и водой, так небо
умещает в себе, как в мешке новогоднем, утрату
или краба кипящее зренье вшивает предметы
в свой накроенный контур, словно выдох в оду,
слепоту и иголку в заплату.

Ты же смотришь сквозь мешковину зрачка вот на этот
– предположим – январь, что пока здесь лежит без названья,
где ткачихи-сороки к теням пришивают природы приметы,
а затем разбиваются в эхо меж них, в узнаванье.

Это взгляда горят на снегах, как шрифты, опечатки —
так поленницы между домов спят в зачатке пожара,
где огромного дна решето вынимает потопа —
из воды ледяной – до Коцита промёрзшее, жало —

назовём его – жалость к себе (состоит из отточий)
или, скажем, ковчег слепоты (от избытка поклажи) —
всё одно и поток, и горение будут неточны
а потом и не вспомнишь (сквозь них совершившейся) кражи.

Только пропуски делают ход изнутри человека,
это небо холодное, словно идёшь нараспашку
по местам нераспознанным, что быть их приметой
становясь всего больше, себя разверзая, как пашня.

(15—16/01/2018)

«Так выключаешь свет ...»

Так выключаешь свет —
вокруг одни повторы:
стоят как тьма во тьме
собаки и заборы.

Торчат для них фонарь,
аптека и прохожий,
и языки у них
на ангелов похожи.

В незнаемом году
все времена последни —
смотри, звезда летит
и прилетит к обедне,

а ты всё смотришь в след
её на белом свете —
так выключаешь свет
и видишь в нём просветы.

(16/01/2018)

«На быстром подоконнике стояло...»

На быстром подоконнике стояло
лицо от света – в глубине овала
его кружился сад, как снегопад
в дороге, возвращающейся в ад.

Как быстр был сад и как внутри летели —
ему принадлежащие – метели
и приводили этот механизм
в ступени, опускавшиеся вниз!

Как свет вступал на тёмный эскалатор,
где низ и верх – кто был им провокатор?
кто был Хароном? лодкой? кто душой,
внезапно называющейся мной? —

местами то менялись, то лепили
снеговиков из силы и бессилья,
синицами играя в бадминтон,
чтоб знали мы об этом и о том.

Я птиц кормил лицом своим, пропажей
что расклевала плоть мою в пернатых —
горящих длинной слепотой – холмах,
где снегопады расплетают сад.

(18/01/2018)

«Темнота – это свет, расширяющий сам себя...»

Темнота – это свет, расширяющий сам себя,
вглядывающийся, как в ребро, во свои края.
Из всех свойств его – одно главное – слепота:
так стекло, что лежит предо мной – это только я.

Шевеля немоту, раскалённую в свет, губой
катим шарик мира синицею и плотвой.
Мякиш мокнет. Потеет – с обратной —
стеклянный шар
там где свет потёмки —
в фонарик карманный – сжал.

И вода летит пред пустыней. И Уильям Блейк
посредине себя стоит. Остального нет.

(19/01/2018)

«Оставляю лёгкость, в мир свой уходя ...»

Оставляю лёгкость, в мир свой уходя —
что есть там? ад? иль сада это жженье
морозное, как полое всегда
или другое [всякое] прощенье

Вот я лечу один, а не один,
вот лёгкость, что составлена из веса,
вот столб из света, дирижабль из льдин
себе соткавший жабры. Среди леса

горят осуществлённые леса,
строитель трёт [невидим] подбородок —
трещит сороки киноаппарат
производя лицо её из тёмных съёмок.

Я — человек, какой же в том восторг,
войти в свой мир, себя — как звук — исполнив,
от лёгкости и тяжести устав
в садах, которые спешат тебя наполнить.

Садов стада идут на водопой,
в них шмель летит — как снег — и незаметен
его белеет шрам, как небеса,
там, где в снежки играют наши дети.

(22/01/2018)

«ТО ИНТЕРЕСНО, ЧТО...»

то интересно, что
от нас не останется слов
но выдох [к] которому ты
как звук здесь подвешен был

лента одна летит
отпущенная от всех гирь —
ей хорошо одной плыть
своей тишиной

беркут над ней стоит
лицом человеческим и
справа его другой
львиною головой

лента летит одна
теперь она тишина
выткал её не ты
но как красиво летит

(19—23/01/2018)

«Невозможность меня самого...»

Невозможность меня самого
делает здесь меня,
держит внутри у льва
пещеры или огня.

Полость моя пуста,
эхо во мне Твоё
меня продолжает творить
больше, чем одного.

Ты из пустот меня
составил, прочёл, простил —
сшил из кожи мешок,
а швы до зрачков упростил.

что там, в них, вижу я? —
то, как душа горит
белая как сова – плавится
и свистит

в воздух, который Ты,
невозможность дыхания, лес
словно бы снегопад,
что пещерой во льве разверст.

(23/01/2018)

«Когда земля меня подменит...»

Когда земля меня подменит
на камень, что на ней лежит —
придут невиданные звери,
чтоб землю эту перешить,

чтоб выдумать иное небо,
другие иней и сирень,
окно, стакан, кусочек хлеба,
что больше непохож на смерть,

и я, из камня белой шубы,
из рукава её, глядеть
на эти формы света буду
и прялку темноты вертеть.

Внутри норы, у этой прялки —
сидят невидимые три
зверёныша – не угадаешь
ты их прекрасные черты,

не разгадаешь, не ответишь,
но распознаешь, как тоску
о белом этом, белом шуме,
что, как молчанья кровь во рту.

(24/01/2018)

«В паузах меж смертью – смертью...»

в паузах меж смертью – смертью
жизнь мерцает и бежит
во дворах, её качели
собирают перьев вжик

вжик и из пелёнок плачет
вжик и в школу не идёт
вжик как винтик на работу
вжик и там как вжик умрёт

но однажды поломавшись
выйдет винтик из пазов
и войдёт в другие двери
из своих глухих часов

«Видел ночью пожар...»

Видел ночью пожар
или пожар, которым
ночь эта стала, стадо
дыма погнав, как выдох —
это одышка неба
стала в окне морозом
там, где себя человек
выгонял в самогон и выход.

Этот пожар стоял
повсюду, то есть и был он
всем здесь, сучья в погоде
сорок своих изымая гулом
то из холмов деревьев,
то из деревьев камня
кожа вещей мерцала
снимаемая – словно улей

был растревожен жаром
медвежьей руки лохматой,
все соты сливались в пчёл
или же мёд настольный —
там, где пожар стоял
в холоде столь понятный,
что становилось ясно
и больше не было больно.

(28/01/2018)

«ВЫСОТА, КОТОРОЙ ТЫ ВЫДАВЛЕН БЫЛ...»

высота, которой ты выдавлен был
на сетчатке пространства, которое есть пустота
и которое ты ощущением тяжести сшил,
потому, что вся тяжесть в тебе — это свет и игла.

всё, что есть — это точки [их две], между них — полотно,
то есть странный симптом, что другой наблюдает тебя,
потому что и ты и другой — это неба окно,
удивлённое слово, что смотрит и смотрит в себя.

«Как полнота улова – пёсий лай...»

Как полнота улова – пёсий лай
и время, скрученное в снеге, как в улыбке —
улитка бесконечная, как взрыв,
ползёт по снегу, в каждой его льдинке —
улитки край, улика, ночь, Кыштым,
записанный на лающей пластинке.

Хрустит улов, сквозь снега выдох-вход,
замедленно, как в хронике прибытий
незримых нам, но прочных, поездов,
пророков и узлов, витий, распитых
стаканов – боже! как же он хрустит
в глазу у света, а иных событий

не ожидается и вытянута сеть —
блестит, как дверь, на затемнённом свитке,
сворачивается в небо, как ладонь,
и оживает в чёрно-белом свисте,
где ты стоишь под неба высотой,
как небо – с головою непокрытой.

(30—31/01/2018)

«До сортировки суживаясь, выдох...»

Нине Александровой

До сортировки суживаясь, выдох
вагоном [а точнее, что – псом] снаружи
в себя глядит – не то чтоб обнаружил,
но – удивлён – и это стыдно, но —
окно закрыто,
человек летает
и из костей пёс небо собирает:

– расти и падай, если невозможно —
так дерево растёт и ты расти,

сгущая выдох в земляную сажу,
в могилу, что пройдем мы, но не сразу:
в начале – выдох, после – сортировка,
а далее – лишь небо и сады.

(4/02/2018)

Лабиринт

Если созвездия в нить расплести,
чтобы идти, умножаясь, сквозь воды,
чтобы покинуть зимы лабиринт,
что задыханьем в неё был утроен:
можно расслышать, как рыбные лбы
– трескаясь в льдах – расплетают глубины

в жажду, что запечётся во рту
яблоком воздуха, света, мороза —
там, где круги остаются на тьмы
сумерках – словно от лодки заноза.

Слышишь, как тени стучатся из льда,
и ледоход прибывает к Харону
сквозь все созвездья, что ты извлекла
с пряжей вины из винтов Ахерона —
это не скорбь, а лишь скорости скарб
или чертёж, что начертан прибором —

там, где осталась одна высота —
в букве, умолчанной нами, стрекошет
и вынимает свой глас из сверчка,
и над водою его кровотоцит

белое эхо. Возьмёшь его нить —
кто в ней мерцает и плачет над нами? —
смотрит в тебя, изгибается в
выдох и рыбу, но скоро – отпрянет.

(1—5/02/2018)

«у ворон собачья голова...»

у ворон собачья голова
снег и свет и много что ещё
я иду к ногам их весь припав
словно электричества кольцо

кто в неё посмотрит из меня
кто её запишет на листок
и дохнёт сквозь небо на меня
словно в запотевшее стекло

(6/02/2018)

«ВОТ ИЗВЛЕЧЁШЬ МЕНЯ ИЗ ГОЛОСА ...»

вот извлечёшь меня из голоса —
душа немногим больше волоса
вся покрасневшая лежит,
как бездна, что разъята снегом —
вокруг себя смыкает веко
и темноту, которой жить.

«То лицо, которое снег набирает из пазлов...»

То лицо, которое снег набирает из пазлов:
из прохожего астмы,
из шариков, собранной в небо, любви,
из меня, что летит в его свет,
безо всякой опаски
вынимая себя из сугробов дебильной крови.

Повернёшься вокруг и лицо
в темноте и повсюду стоит.

(7/02/2018—12/02/2018)

«мир заканчивался там, где я...»

мир заканчивался там, где я
от зрачков отрывал рубцы
шрам вынимал из глаз —
словно бинт в перста
бравши дым, то есть просто дым

дом завершался тем, что он
был разрушен – расширен
до неба и до свободы
чья вода, как кровь, легка и проста
а на швах ея – там, где всё записано —
[видел] [возможно] [Бога]

(12/02/2018)

«ЭТО ЗВУК ВОКРУГ ЛЕТИТ...»

это звук вокруг летит
в себе выращивая птицу
чтобы смотреть из высоты
как он до птицы отвердеет
полёт подносит он к лицу
и узревает, но не зреет,
что птица это тоже звук
когда летит и ветер греет

«Всё, что слышал – это шорох...»

Всё, что слышал – это шорох,
всё, что видел – береста,
и в нутре звенящий ворог —
так как Бог вокруг меня:

всё латаю и латаю
медный/бедный угол/бок,
а вдохну и – умираю
или всё наоборот.

(13—14/02/2018)

«Останется строчка от зайца...»

Останется строчка от зайца
завёрнутой в небо и свет,
и то, что должно здесь остаться,
когда человека здесь нет:

хруст ветки вмещающий ангел
и ветка, в которой он спит —
в её колыбели качаясь
и небо вдыхая, как спирт.

(14/02/2018)

«Посередине снегопада...»

Посередине снегопада,
стоять, как дерево Его —
и видеть только стены света
и тяжесть света одного
вокруг меня – как небо. Крона
за снегопадами шуршит
и дышит мне в плечо, немного
немее [всё], плечо болит.

(02/2018)

«неуход [неизбежен] всегда [возвращенье]...»

неуход [неизбежен] всегда [возвращенье]

«ДОЖДЬ И СНЕГ И СНЕГ И ДОЖДЬ...»

дождь и снег и снег и дождь
падает февраль как циркуль

рыба под землёй ревёт
вряд ли что ещё услышишь

холодящая отчизна
ты подземная сейчас

поплывёшь из неба глаза
вот... сейчас

«В зверя середине...»

В зверя середине
кто в небе стоит

кто там со мною
как зверь говорит

красные точки
ранетки густой

станешь как небо
своей пустотой

полостью плачем
на жидкой губе

тем что забудут
здесь о тебе

«Воды расцарапана кость ...»

Воды расцарапана кость —
с ней пёс во дворах здесь лежит,
грызёт леденцовый мороз.

Холодное небо дрожит
в его безразмерных руках —
из лая и эха его —

вода, словно Бог – так легка,
что это тебе тяжело.

(19/02/2018)

«снегири это имена для деревьев...»

снегири это имена для деревьев
чем ближе к свету
тем меньше букв в имени

на нижнем ярусе сидят скандинавские боги
а на верхнем – потерянный звук

качнётся ветка, отяжелев от снега
вот и ещё одно имя тут

«Самый свой последний стих...»

Самый свой последний стих
здесь я не запомню —
унесу его собой
завершённый. Это

правильно – путь слышит тот,
кто встречает поезд
в каждом шелесте дождя,
Пассажиров нет у.

«Улитка дерева ползёт...»

Улитка дерева ползёт
по свету – медленно, как стрелка.
Он смотрит в зеркало её,
чья тень, скорее, тьмы пометка —

в двойных, как челюсти часов,
перепоясанный огнями,
кто видит из него меня,
гремя снегами, как ключами.

И пёс внимательно стоит
[он мастер часовых поделок] —
отвёртка неба так хрустит,
что алчешь ангелов и хлеба.

(19/02/2018)

«Гудит пространство, слова шмель...»

Гудит пространство, слова шмель,
который зрения снаружи,
ожил и этот белый снег,
что на крылах его, обрушил

вовнутрь себя, где свет лежит —
лепечет, выбран из пелёнок,
из горок, санок и т.д.,
как аутист или ребёнок.

Кто понимает — тот молчит,
и [сшитый из стыда и кожи]
он слышит, как в шмеле летит
вернуться. Позже.

(02/2018)

«Так умолкает воздух – тронешь...»

Так умолкает воздух – тронешь
его – и чудо развернёшь,
как свёрток из небесной почты:
нет не умрёшь, нет, не умрёшь —

так, лёгкие развоплотивши,
летит бессмертием душа
и мало ли, что там щебечет —
успеет берега собрать,

когда вода себе корабль,
а воздух словом завершён
– куда ты свёрток свой отправишь,
когда в потоп сплетён твой чёлн?

Ты тростниковый глас расслышишь,
как ткань в пустотах дальних звезд,
и Бог в тебя глядит из ниш их,
как горб, изношенных здесь, мест.

(20/02/2018)

Диалог

зеркало отражает [зеркало отражает]
[смотришь в начало]

Наблюдатель

Слепоты снимая фотоснимок,
потому что снимок тот пейзаж,
чей утерян наблюдатель – либо вышел,
либо умер, на другой этаж

он перелицован, то есть выбрит,
и с лицом желтеющим лежит,
серые перебирая листья —
всю страну тебе проговорит

прочитает, затвердит, запомнит
отболит, как неба поплавок,
слепоты с себя сдирая снимок,
как дорожки звуковой моток.

Вот теперь он светел и прозрачен
прозревает слово, норы, ход
времени кротовьего – иначе:
он созрел и больше не уйдёт.

Мы его, увы, не наблюдаем —
каждый сам себе отсель Гомер —
фотоснимка смерть пересекаем,
как слепой повсюду Одиссей.

(21—25/02/2018)

«Небо – это звука поляроид...»

Небо – это звука поляроид:
собирает свет и темноту он в лица —
догорают в них петля из слуха
и мертвеет, словно рукавица.

И теперь, совсем уже тренога,
собрал я в мерцающее эхо
и на доньшке катается рябины
ягода – как ледяная горка

её пряжа – красная в морозном
горле неба: темноты ангина,
как ребёнок с выдохом, сомкнётся
в звук и эхо, списанные слитно.

(26/02/2017)

«СКОЛЬКО ВО ТЬМЫ ВЗРЫВ...»

Сколько во тьмы взрыв,
как в землю, вложил ключей? —
небо под ней отрыв,
на сквозняк запирая дверь —

видишь прозрачно всё —
так для того ослеп
ты, чтоб сидеть внутри,
и наблюдать, как свет

шарит вокруг рукой
словно в потёмках он
ищет тебя и в кров
строгает из шороха дождь.

«паузу между крыльев [словно январь] несёт...»

паузу между крыльев [словно январь] несёт
эта птица-игла – припоминая рот,
стоит проснуться с утра – в порванные края
свои, как просторный свет, всё зашивает земля

слева и справа [обрыв] [посередине] тьма
смотришь: январь, качель, птицы немой игла
гладкий в сугробах шов света – голос вдали
ищет себя и шьют поздние снегири

время, ведро, колыбель
тростник, что спешит в гнезде,
паузу собирать в дырявой
воды сквозняке.

(5—7/03/2018)

«Жужжание пчелы. С той стороны она...»

Жужжание пчелы. С той стороны она
за зеркалом горит, как инобытия
отверстие и ключ, свершивши поворот,
забывший замереть и крутится. Из вод

той стороны летит и смотрит на меня —
как тьмы и стороны холодной полынья,
голодный белый свет, которым буду я
когда меня ужалит молчащая пчела.

И перенос свершив, оставлен, как предлог,
здесь ищущий меня, невидимый мне, Бог.

(7/03/2018)

«И лижет пёс лицо, и красным языком...»

И лижет пёс лицо, и красным языком
сдирает мясо и

жужжит пчела, жужжит
из неба и внутри меня, как страх, уже дрожит —

кто вынет из меня
её, в уста свои вложив?

(03/2018)

«Вот и выдохнул её ...»

Вот и выдохнул её —
вот она теперь летает
и прорехи, словно тень
от себя, на мне латает

И слюда её кипит
в длинном эхе, как в далёком
детстве – снежная метель
лая долгая верёвка.

(03/2018)

«В коридоре тонком – словно помощь...»

В коридоре тонком – словно помощь
сам себе – колышешься, живёшь,
выдохнешь всё это наизнанку
и себя, как ветку, оборвёшь.

Только песенка чуть дольше будет длиться,
раздвигая скудный коридор
в плотный ветер, что сплетён в светлицу
из метели, света и сторон.

(03/2018)

«Дождь ли [?] скрипит в кувшине...»

Дождь ли [?] скрипит в кувшине
бега – почти дыра —
в ампулу неба вшили
его – а внутри пера
спит воровская финка
или горит снегирь.

Нет ничего такого,
чем бы здесь не был ты.

(02/04/2018)

«Вырезаны из полёта – пилоты...»

Вырезаны из полёта – пилоты
в меди своей, тёмной, смертной, лежат

их животы на безоблачной плоти,
словно плоды на деревьях, звенят.

Если же выйдет старик спозаранку,
чтобы взглянуть в слепоту в ползрачка —

то и затянет плоды в его банку —
ангелы где, словно змеи, шуршат.

(3/04/2018)

«Никто проходит по мостам...»

Никто проходит по мостам
меж двойнями прудов – и там
не отражается никто,
дыша на пот, что стал окном.

Кто в нём дыхания замком
закрыт? – или потерял ключ?
в воде двойной стоит Никто,
как огонь в нутре реки горяч.

и слышен мне звериный рык
небес, пришедших небо пить,
и, вероятно, что Никто,
вот здесь, для этого стоит.

(04/2018)

«В пустых районах, где спят алкаши...»

В пустых районах, где спят алкаши,
бомжи и потеряшки с паркиносоном,
где живы все, поскольку не мертвы,
и мёртвы все – поскольку не рождёны

там. Колесо из дерева торчит
сансарой, передёрнутой за кадром —
и шрифт дождя на рёбрах их дрожит
защёлкнутый свинцовым перегаром.

И баобаб растёт меж небом и землёй,
тысячеостный, скудный, белоглазый —
и ходят по судьбе своей кругом
они, чтоб не прожить её ни разу.

И есть собака – я её с руки
кормлю – горящим между пальцев – небом,
чтобы прожечь могилу до судьбы —
ворочая язык немой и белый.

(03/04/2018)

«Пришитый к бегу, он горит...»

Пришитый к бегу, он горит
в своих следах – так дышит снегом
всё то, что он проговорит
природе – слева

его сияют смерть и мрак,
а распашонки галок справа
взлетают в кадре только вверх,
где света лава

мир кормит из любой руки
в метель и в молоко сочится
из всех сугробов, в чей живот
сшивает птица

разрыв и хруст, уста детей
и их дыхание,
в незримый бег, которым шар
меня сминает.

(1—16/04/2018)

«СОЛОМЕННЫЙ КУВШИН ДОЖДЯ...»

соломенный кувшин дождя
защитый в хворосте и в бездне

мороз в ладонь свою разъяв —
ещё немного и исчезнет

из-под повязки дождь пойдёт
звериной белою походкой

так человек побеждён
что обнаружен он находкой

(15/04/2018)

«Речь холодит. Сгорает жирный воздух...»

Речь холодит. Сгорает жирный воздух,
клубки деревьев распуская в птиц
горючий щебет, чья вскипает поступь,
рассыпанная выдохом их вниз

трещотка неба, стянутая лесой,
как плотью деревянной, нагота,
просыпана [меж пальцев] долго смотришь
и видишь^ черный шум и высота.

(16—17/04/2018)

«ТАК И НЕ ЗНАЮ НИЧЕГО...»

так и не знаю ничего
иду на ощупь и на ощип
а слово, что под языком
всё так же жжёт меня,
полощет

ожога пятнышко – как смерть
пузырь проколешь
и увидишь
другое небо о другом
хоть с этим – проше

(18/04/2018)

«Остановившись, смотрит этот сад...»

Остановившись, смотрит этот сад
вода, тебя отрывши, видит небо,
которым стал ты, если небеса,
склонились, как холмы, к земному зеву.

Бысть паузой и язвой в темноте,
вода глядит, перебирая гвозди
из глины красной средь своих корней,
плутая в небе на большом пороге.

(23/04/2018)

«Слагая к звуку звук...»

Слагая к звуку звук
две птицы прорастают,
а выгнется земля
под снегом и – растают,
и будут тишиной,
дрожащей меж деревьев
прозрачную стеной
из пузырьков из света.

(04/2018)

«Пока потерянные вещи...»

Пока потерянные вещи
меня устали здесь искать
и из Челябинской этой вечной,
как чудо, водку иссекать,

когда клубится над долиной
трубопрокатною дымом —
то рыже-синий, то иссиний
горит в одышке голубок,

вода, как небо, стекленеет —
себя от лёгких оторвать
несётся, как наседка, слово,
страшать хоть что-то не назвать.

(22/04/2018)

«Крысы блик бежит, по тротуару...»

Крысы блик бежит, по тротуару
рассыпая мокрые круги,
как колодец, что вокруг её поставил
чёрно-белые и не свои следы —

расступаясь, почва, перед нею
нарисует масляный маршрут,
где ростки пернатые, как щели и птенцы,
свет вероятный жнут.

(24/04/2018)

«Тепло от выдоха до вдоха ...»

Тепло от выдоха до вдоха —
так укрощаешь кожи ада,
и призываешь к себе Бога —
хотя, как будто и не надо.

А он сидит там, на вершине
холма, придуманного мною,
качает головой безвидной
чтоб быть отсюда кислородом.

Молчит из темноты прожилин,
из не-присутствия дыханья,
вплетая в жабры мои слово,
чтоб длился холод ожидания.

(25/04/2018)

**«Воздух вертит головой петушиной,
как будто попал на огонь...»**

Воздух вертит головой петушиной, как будто попал на огонь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.